

УДК 81-2:8.11[161.1:512.111:811.111]

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ТРАНСЛЯЦИИ
ЧУВАШСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ
ЛИДИИ ФИЛИППОВОЙ «СЕСПЁЛ ЙЁРЁПЕ»)**

Иванова А.И.

Статья посвящена выявлению и анализу переводческих стратегий на материале чувашской поэмы и ее переводов на русский и английский языки. В работе на конкретных примерах демонстрируется, как переводчики стремятся к достижению идентичного эстетического эффекта. Сравнительно-сопоставительный анализ выявляет применение трансформаций, таких как опущение, генерализация, замена культурных кодов, что подтверждает творческую природу перевода как диалога культур. Результаты исследования показывают, что стратегии переводчиков дифференцируются в зависимости от целевой аудитории: русскоязычный перевод ориентирован на распознавание общих историко-культурных контекстов, тогда как англоязычный – на смысловую адаптацию иноязычного материала.

Ключевые слова: художественный перевод, трансформации, сравнительно-сопоставительный анализ, перевод с чувашского языка, переводческие решения.

**PECULIARITIES OF TRANSLATING CHUVASH POETIC TEXT
INTO RUSSIAN AND ENGLISH (BASED ON THE POEM BY LIDIA
FILIPPOVA “TRACING SESPEL’S LIFE”)**

Ivanova A.I.

The paper identifies and analyses translation strategies based on the material of the Chuvash poem and its translations into Russian and English. The work demonstrates through specific examples how translators strive to achieve an identical aesthetic effect. A comparative-contrastive analysis reveals the use of transformations, such as omission, generalization, and replacement of cultural codes,

which confirms the creative nature of the transition as a dialogue of cultures. The research results show that translators' strategies differ depending on the target audience: the Russian translation focuses on recognizing common historical and cultural contexts, while the English translation focuses on semantic adaptation of foreign language material.

Keywords: literary translation, transformations, comparative analysis, translation from the Chuvash language, translation solutions.

Художественный перевод представляет собой специализированную область переводоведения, объектом которой выступают художественные тексты, а основной операцией является их межъязыковая трансформация в письменной форме. Ключевая компетенция переводчика заключается в адекватной репрезентации не только семантико-содержательной доминанты оригинала, но и его стилистико-экспрессивной системы.

Оценка качества перевода базируется на критериях эквивалентности, адекватности и идентичности эффекта. Эквивалентность измеряет степень семантико-стилистического соответствия текстов. Адекватность характеризует верность выбора переводческих стратегий. Идентичность эффекта отражает достижение схожей эмоционально-эстетической реакции у реципиентов исходного и переводного текстов [4, с. 39]. Трудности художественного перевода носят комплексный характер, поскольку выходят за рамки простой передачи информации. Они обусловлены необходимостью решения художественно-эстетических и эмоциональных задач, стоящих перед переводчиком как автором нового произведения на языке перевода [2, с. 13]. Совмещая роль исполнителя и соавтора, переводчик осуществляет не передачу смысла, а творческое переосмысление текста, что неминуемо приводит к расхождениям с авторской стилистикой, видением и образным строем [1, с. 2051].

В лингвистике устойчивый интерес направлен на изучение переводческих решений, поскольку адекватный подбор языковых средств обеспечивает достижение максимального соответствия оригиналу [3, с. 109].

Актуальность статьи обусловлена запросом современной переводческой науки на практико-ориентированные исследования. На материале чувашского языка данное исследование решает несколько задач: пополняет фактологическую базу переводоведения, демонстрирует творческую природу переводческих решений и служит практическим подтверждением того, что перевод является активным межкультурным диалогом.

Целью исследования является выявление на основе сравнительно-сопоставительного анализа основных переводческих стратегий и трансформаций, применяемых при межъязыковом и межкультурном переносе поэтического текста с чувашского языка на русский и английский языки.

Материалом исследования являются фрагменты чувашскоязычной поэмы члена Союза писателей России Лидии Филипповой «Сеспёл йёрёпе» (По следам Сеспеля), описывающие пребывание чувашского поэта Михаила Сеспеля в Москве и его службу в Чебоксарах. Указанные отрывки и их переводы на русский (выполнен Л. Петровой) и английский (выполнен Н. Колесниковой) языки составляют основу сравнительно-сопоставительного анализа.

Пиччемён чӑнлӑх сӑлӑпе

Кӑс Мускава та ситрӑм,

Сӑваплӑ туртӑм йӑрӑпе

Союз суртне те кӑтӑм [5, с. 9].

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Москва, встречай! Мечта сбылась! Ведет дорога брата В тот дом, что знал Советов власть И съезды, и дебаты [5, с. 21].	I took a path of Brother's fame. I'm in Moscow – a honour day! To the House of Unions I came. Moscow's holy – so I must say [5, с. 32].

Автор чувашского оригинала Л. Филиппова называет М. Сеспеля братом – *Пичче*, переводчики на русский и английский языки применяют прямые

языковые соответствия: *Брат* и *Brother*. Стремясь передать намеренный авторский прием, Л. Петрова и Н. Колесникова сохраняют написание лексемы с заглавной буквы, тем самым транслируя заложенное в оригинале глубокое уважение к поэту. Автор следует *пиччемён чӑнлӑх ӗулӗне* (путем истины брата), который приводит ее в Москву – *Мускава та ӗитрӗм* (до Москвы дошла). *Чӑнлӑх ӗулӗ* в чувашском языке – это устоявшаяся, почти идиоматическая метафора, аналогичная русским *путь истины*, *стезя правды*, это метафора жизненных принципов, идеалов. В переводе на русский язык наблюдаем прием опущения: ключевое слово *чӑнлӑх* (*истина*) опущено, остается просто *дорога*. В английском тексте наблюдаем лексическую замену, происходит смещение акцента с идеи нравственного выбора на признание и известность. Путь Сеспеля метафорически представлен как дорога, ведущая к славе: *a path of Brother's fame* (путь славы Брата).

Оригинальное *сӑванлӑ туртӑм йӗрӗне* (по следам чувства радости) – сложная психологическая метафора, которая овеществляет внутреннее эмоциональное состояние, превращая его в видимую тропу, по которой можно идти. Эпитет *сӑванлӑ* (счастливый, праведный) придает этому чувству высокий статус. Метафорическая сложность оригинала потеряна в русском и английском текстах. Переводчики применили прием полного опущения. Следует отметить, что в русском тексте появляется громкий риторический возглас *Москва, встречай! Мечта сбылась!*, которого нет в оригинале. Это добавление компенсирует эмоциональность, потерянную при опущении *сӑванлӑ туртӑм* (чувство радости). В переводе на английский язык риторическое восклицание, а также провозглашение дня приезда в столицу *honour* (почетным) – *I'm in Moscow – a honour day!* (я в Москве – почетный день!) – передают торжественность и радость автора.

Союз *ӗуртне те кӗтӗм* (в Дом Союзов вошла) – это символ официального признания его заслуг на всесоюзном уровне. Переводчики сохранили локацию в своих текстах. В русском тексте *Союз ӗурчӗ* (дом Советов) конкретизирован описательным перифразом с олицетворением *тот*

дом, что знал Советов власть и съезды, и дебаты. В английском тексте стилистическая инверсия *to the House of Unions I came* (в Дом Союзов я пришла) усиливает поэтическую и нарративную весомость строки и подчеркивает цель путешествия.

Эллипсис, выражающийся в опущении в оригинале местоимения *эпё* (я), придает высказыванию обобщающий характер, который сохранен и в русском переводе: путь прошла не только сама Л. Филиппова, но и любой читатель данного произведения. В английском переводе анафора, заключающаяся в повторе местоимения *I* (я) создает акцент на фигуре автора как активного последователя и свидетеля.

Продвигаясь по следам Сеспеля, поэтесса направляется в зал, в котором выступал В.И. Ленин: *Ильич каласнй* (Ильич разговаривал) [5, с. 10]. Переводчики транскрибируют данный антропоним в переводах: *Ильич выступал* [5, с. 21] и *Ilyich's speech* (речь Ильича) [5, с. 32]. Заслуживает внимания трансляция призыва к учебе. В оригинале Л. Филиппова прибегает к метонимии, замещая имя В.И. Ленина лексемой *патшаләх* (государство): *патшаләх вёренме хистет* (государство учиться заставляет) [5, с. 10]. Она наделяет государство волей и активным действием. Это не абстрактная система, а заботливый отец-наставник. Переводчик на русский язык, опираясь на общеизвестный в советском культурном пространстве ленинский завет, использует имплицитную отсылку, транслируя идею, заложенную в оригинале, выражением *учиться должен весь народ* [5, с. 21] без прямого упоминания автора высказывания, полагаясь на фоновые знания реципиента. Знаменитый лозунг «Учиться, учиться и учиться» является в России и постсоветском пространстве культурный кодом, ассоциирующимся с Лениным. Для англоязычной аудитории этот код может быть неизвестен. Поэтому переводчик Н. Колесникова, идя по пути смысловой и исторической конкретизации, применяет прямое цитирование: *“Learn! Learn! And learn!” – he strongly urged* (Учиться! Учиться! И Учиться! – он настоятельно призывал) [5, с. 33].

Таким образом, стратегия переводчика определяется узнаваемостью культурного кода для целевой аудитории. Аналогичный прагматический подход, основанный на адаптации социально-идеологического контекста, демонстрирует и следующий фрагмент:

Помещик сук тек, сук дворян,

Эпир – пёр пек праваллэ [5, с. 10].

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Нет угнетателей сейчас. В строю шагают рядом Крестьяне и рабочий класс [5, с. 21].	Rich and greedy landowners? Where? No more! Equal rights in the state! [5, с. 33].

Антитеза является основным приемом, формирующим идею текста. Здесь противопоставляются старый мир – символ угнетения, неравенства и новый мир – символ единства, равноправия. Инклюзивное *эпир* (мы) несет идеологическую нагрузку, оно объединяет Сеспеля и его потомков в новую общность, создает чувство коллективной идентичности и солидарности. В переводах ключевое *эпир* (мы) нивелировано.

Вместо двух конкретных социальных классов дореволюционного общества переводчик на русский язык, применив прием генерализации, использует обобщающий, идеологически заряженный термин *угнетатели*. Это делает текст более универсальным, эмоционально острым, усиливая конфликт *добро – зло*. Юридически-статусная формула *пёр пек праваллэ* (равные права) превращается в визуальный и кинетический образ строя и совместного шага – *в строю шагают рядом*. Это переводит идею равенства из сферы закона в сферу коллективного действия и братства. Метафора *строй* является символом единства, организованности. В английском тексте наблюдается прием расширения с добавлением оценочных эпитетов, которые задают моральную дихотомию, переводя социальный конфликт в этическую плоскость, понятную западной аудитории. Конкретные социальные термины заменяются на более общее, но эмоционально насыщенное понятие *landowners* (землевладельцы). Статичную декларацию отсутствия переводчик превращает в динамичный диалог. *Where?* (Где?) – это вызов, триумфальное указание на их исчезновение.

No more! (Больше нет!) – это энергичный лозунг об окончании эпохи. Антитеза подчеркнута сильнее, чем в оригинале. Переводчик провозглашает принцип *equal rights* (равные права), локализованный в масштабах *state* (государство).

Курса умри пуласлăх

Чĕнет Совет Союзĕ [5, с. 10].

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Подъем нас небывалый ждет, Но чтоб надеждам сбыться, Учиться должен весь народ [5, с. 21].	Window of opportunities Opened a bright and broad path for A lot of possibilities [5, с. 33].

Автор, проходя путь М. Сеспеля, сообщает о *умри пуласлăх* (будущие перспективы), которые видел перед собой и всей страной поэт. Переводчик на русский язык применяет полную энергии и уверенности фразу *подъем нас небывалый ждет*. Это классическая риторика «светлого будущего», известная в советской поэзии. Прием конкретизации позволил заместить абстрактные *умри пуласлăх* (будущие перспективы) конкретным, монументальным событием *подъем*. Гипербола и оценочный эпитет *небывалый* является стилистической добавкой, снимающей нейтральность и придающей будущему характер события космического масштаба. Олицетворение *ждет* создает ощущение долга и неотвратимости. Английский переводчик превратил *умри пуласлăх* (будущие перспективы) в набор прагматичных шансов, используя лексику современного западного публичного дискурса. Метафора *window of opportunities* (окно возможностей) является устоявшейся идиомой, понятной для западной аудитории. Расшифровка и тавтологическое усиление *a lot of possibilities* (множество возможностей) служит для ясности.

Далее автор предлагает Сеспелю донести значение заветных слов до своих земляков, перечисляя населенные пункты: *çит Елчĕке, çит Канаша* (дойди до Яльчик, дойди до Канаша) [5, с. 10]. В русском тексте данные топонимы переданы посредством транслитерации: *до Яльчик и до Канаша* [5, с. 22]. Стремясь расширить географический контекст для англоязычной аудитории, переводчик на английский язык дополняет топонимический ряд,

включая в него новые названия: *Vournary, Tsivilsk and Canash, Kugesi, Yalchik* (Вурнары, Цивильск и Канаш, Кугеси, Яльчики) [5, с. 33].

Халӑх итлет сана, пичче.

Ъук сын сан майӑӑ питӑ [5, с. 10].

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
В почете ты у бедняков, Встречают с интересом [5, с. 22].	Of course, the people have heard your claim. A poor brother'll always stand by [5, с. 33].

Обращаясь к Сеспелю, который считал важным разъяснять декреты и распоряжения простым людям, автор отмечает их признание и доверие к поэту: *халӑх итлет сана* (народ прислушивается к тебе). Переводчик на русский язык применяет прием конкретизации, сужая *халӑх* (народ) до социального слоя *бедняки* и смещая акцент на социальный статус *в почете: в почете ты у бедняков*. Переводчик развивает тему, добавляя эмоциональную деталь – *встречают с интересом*. Переводчик английского текста перекодирует идею в более универсальный и личностный регистр. Вводное слово *of course* (конечно) превращает утверждение в логичный, очевидный факт. Переводчик персонифицирует солидарность через родство, применяя эмоционально заряженную метафору *poor brother* (бедный брат). Глагол *stand by* (поддерживать, быть рядом) выражает готовность *халӑх* (народ) – *people* (люди) прийти на помощь поэту.

Людям импонировала честность и бескомпромиссность М. Сеспеля, которые проявлялись в его борьбе с врагами Советской власти и с чиновниками, превращавшими служебное положение в источник личной выгоды. В оригинале автор описывает таких должностных лиц, применяя образное сравнение, построенное на основе готовой метафоры-идиомы: *тимӑр пӑрҫа нек хытӑ* (как скряга скупой) [5, с. 11]. Л. Филиппова намеренно прибегает к тавтологическому усилению, сравнивая качество с самим носителем этого качества, для создания уничижительного и насмешливого образа человека, обладающего крайней степенью скупости. Оригинальная конструкция *хӑй ҫеҫ ҫӑресшӑн тутӑ* (только сами хотят быть сытыми) [5, с. 11]

описывает людей, которые заботятся исключительно о собственном благополучии. В русском тексте переводчик нивелирует образную структуру чувашского выражения *тимёр пӑрса* (скряга), оставляя данную метафору непереуведенной, но стремится передать подтекст через яркую русскую идиому *набить бы животину* [5, с. 22], сузив эгоизм и жадность до обжорства, что несколько искажает интенции автора. В переводе на английский язык наблюдаем семантически адекватный эпитет *stingy* (скупой) [5, с. 33], который не передает образ и эмоциональную силу оригинала. Рисуя картину пассивного и самодовольного благополучия *never fuss in the house of his* (никогда не беспокоятся в своем доме) [5, с. 33] в качестве субституции *хӑй ҫеҫ ҫӳресшӗн тутӑ* (только сами хотят быть сытыми) [5, с. 11], английский переводчик также искажил авторский замысел и этическую оценку.

Юстци пуслӑхӗ чухне

Ай, мӗн кӑна курмарӑн,

Анчах та тӳрӗ ҫын ятне

Ниҫта та варламарӑн [5, с. 11].

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Ты на защите прав стоял, Был справедливым очень. Хоть много видел, много знал, Но честь не опорочил [5, с. 22].	For all his being a big chief He was a supporter of law. He never stained to be a thief. He was as if an opened door [5, с. 34].

Автор Л. Филиппова в данном контексте повествует о конкретном эпизоде биографии М. Сеспеля – его работе заведующим отделом юстиции исполкома Чувашской автономной области. В оригинальном тексте наблюдается гипербола, усиленная междометием: *ай, мӗн кӑна курмарӑн* (ай, чего только не видел). Они передают масштаб тягот и сложных моральных выборов. Ключевая метафора четверостишия *тӳрӗ ҫын ятне варламарӑн* (имя честного человека не запачкал) создает незабываемый образ нравственной несокрушимости поэта. В русскоязычном тексте наблюдается метонимия *на защите прав стоял*, замещающая конкретную должность *юстци пуслӑхӗ* (заведующий отделом юстиции) на обобщенный образ борца за справедливость.

Метафора нравственной чистоты *честь не опорочил*, как и в оригинале, является центральной и в переводе. Отмечая масштаб испытаний, которые не сломили нравственных устоев Сеспеля, переводчик воспроизвел гиперболу, усилив ее анафорой: *много видел, много знал*.

Переводчик на английский язык создает не просто лингвистический, а культурно-концептуальный аналог образа Сеспеля для англоязычной аудитории. При передаче названия должности наблюдается снижение официоза до разговорного архетипа. Словосочетание *a big chief* (большой начальник) является слегка ироничной разговорной идиомой, отсылающей к образам «больших боссов». Первая строка рассматриваемого контекста контрастирует со всем последующим содержанием. Переводчик опускает тему тягот и испытаний, сосредотачиваясь не на внешних обстоятельствах, а на внутреннем выборе поэта. Создавая универсальный портрет праведного правителя, отфильтрованный через западные культурные коды, переводчик называет поэта *a supporter of law* (сторонник закона). Данное выражение отражает ключевую ценность для западного читателя – служение закону. Метафора *he was as if an opened door* (он был как открытая дверь) призвана донести понятия честности и справедливости до реципиента, она отмечает прозрачность, доступность и готовность Сеспеля к диалогу. Данная фраза благодаря своей метафоричности и простоте звучит как готовый афоризм. Далее переводчик Н. Колесникова не говорит прямо, что поэт был честным, она использует более сильный ход, прибегая к усиленной формуле отрицания порока: *he never stained to be a thief* (он никогда не запятнал себя тем, что стал вором). Это ставит планку его морали очень высоко. Переводчик перекодирует советский идеал «честного руководителя» в понятные западному сознанию концепты закона, личной неприкосновенности и открытости, используя яркие образы.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ выявил, что для достижения схожей эмоционально-эстетической реакции переводчики сознательно отступают от формальной эквивалентности. Это проявляется в

системном проявлении трансформаций, таких как конкретизация и генерализация, опущение сложных метафор, замена культурных кодов.

Переводчик на русский язык Л. Петрова выбрала стратегию вольного, поэтически-адаптирующего перевода. Она не стремится к буквальной передаче каждой лексической единицы и синтаксической конструкции, а создает на русском языке новый поэтический текст, который передает идейно-эмоциональное ядро оригинала, но с существенными трансформациями.

Переводчик на английский язык Н. Колесникова выбирает стратегию адаптации и смысловой перекомпоновки. Ее основная цель – не лингвистическая точность, а передача ключевого эмоционального и смыслового ядра для англоязычного читателя.

Список литературы:

1. Иванова А.И. Особенности воспроизведения художественной образности при переводе с чувашского языка на русский и английский языки (на материале трагедии М. Карягиной «Серебряное войско») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 5. С. 2050-2056.
2. Йегни Х., Бобырева Е.В. Приемы достижения адекватности передачи оригинала при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык // *Modern Humanities Success*. 2023. № 12. С. 11-18.
3. Камилова С.Э. О стратегии художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. С. 108-117.
4. Романова Л.Г., Власова Е.А., Козьма М.П. Проблема стилистической репрезентации портрета главного героя англоязычного художественного произведения в переводе на русский язык // *Modern Humanities Success*. 2023. № 4. С. 39-44.
5. Филиппова (Михайлова) Л.И. Ҷеҳтӣ ё ёрӣ: поэма на пяти языках. Чебоксары: ООО «РИБ «Плакат», 2025. 96 с.

Сведения об авторе:

Иванова Алена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 факультета иностранных языков Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Data about the author:

Ivanova Alena Ivanovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1, Faculty of Foreign Languages, I.N. Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russia).

E-mail: translation2005@mail.ru.